

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

С. А. Сидоров

КОНЦЕПЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КНР В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Аннотация: Аннотация: в данной статье автор рассматривает основные направления концепции национальной безопасности КНР в контексте международной и национальной безопасности России и приходит к выводу, что в новых реалиях международной обстановки российско-китайские отношения ни в коем случае нельзя ни идеализировать, ни упрощать. Они могут быть чреватые весьма опасными конфликтами, особенно в перспективе. Однако в настоящий момент пограничные вопросы между РФ и КНР в основном решены, двусторонние отношения достаточно ровны и стабильны, и, по всем имеющимся оценкам, основной вектор военно-политических усилий Китая в ближайшие годы не будет направлен в сторону России.

Ключевые слова: политология, национальная безопасность, концепция, КНР, Россия, сотрудничество, партнерство, многовекторная дипломатия, приоритеты, СВА.

Долгое время отношение других стран к Китаю было пренебрежительным. Так, еще В. С. Соловьев, полемизируя с концепцией культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского, писал: «Огромная Китайская империя... не одарила и, наверное, не одарит мир никакой высокою идеей и никаким великим подвигом; она не внесла и не внесет никакого вековечного вклада в общее достоиние человеческого духа»¹.

Однако реалии сегодняшнего дня доказывают обратное. В последние десятилетия Китай стремительно развивается. Благодаря проводимым реформам ему удалось из отсталой аграрной страны стать одним из экономических лидеров не только Восточной Азии, но и всего мира.

По результатам сравнения экономик 146 стран, опубликованным Всемирным банком, КНР (10% от мирового ВВП) сегодня занимает второе место после Соединенных Штатов (23%)², а к 2015 г., согласно данным исследования «Рэнд корпорейшн», их показатели сравниваются.

Многие ученые и политики предсказывают неизбежный конфликт между США и КНР в XXI столетии, исходя из того, что исторически смена старого мирового лидера новым амбициозным соперником всегда сопровождается глобальными потрясениями, мировыми войнами и перекройкой карты мира.

КНР явно не устраивает приближение к ее государственным границам НАТО. Чтобы противодействовать этому, КНР проявляет большой интерес к развитию связей со странами ШОС. При этом ясно, что возможное членство в НАТО хотя бы одного из центрально-азиатских государств неизбежно приведет к радикализации китайской внешней политики, ускорит эволюцию ШОС в антизападном направлении, прежде всего в области соглашений по безопасности и военно-техническому сотрудничеству, что будет шагом к дальнейшей поляризации международной системы².

¹ Соловьев В.С. Сочинения [Текст] / В. С. Соловьев. В 2 т. Т. 1. – М., 1989. – С. 353.

² Воскресенский А. Д. Влияние российско-китайского стратегического взаимодействия на международные отношения и безопасность в АТР [Текст] / А. Д. Воскресенский // Россия и Китай: сотрудничество в условиях глобализации. – С. 78-79.

В этом контексте уместно привести мнение Цзян Цзэминя, который в свое время подчеркивал, что сегодня ведущей силой экономической глобализации являются развитые страны Запада. Они обладают мощным экономическим и научно-техническим потенциалом, управляют международными экономическими организациями, в их руках также сосредоточена главная власть при определении правил мировой экономики. Они получают самые большие выгоды в ходе глобализации, в то время как масса развивающихся стран находится в неблагоприятном положении. Развитые государства Запада всемерно продвигают свою модель развития, свою политическую систему и свою систему ценностей. Это приводит к тому, что и экономический суверенитет развивающихся стран, и их государственная безопасность оказываются перед лицом серьезных вызовов и угроз.

Пекинский профессор Лу Ючжи пишет: «История международных отношений свидетельствует, что между новой и прежними сильными державами легко могут возникнуть конфронтация и конфликты. У поднимающихся держав, входящих в мировую систему, независимо от осознания этого, существует проблема необходимости определения заново правил, в выработке которых они не участвовали и которые не соответствуют их интересам. А старым сильным державам часто трудно разделить с новой ту власть, которой они ранее единолично распоряжались. Поэтому в процессе стремительного осуществления Китаем модернизации теоретически есть проблема существования потенциального противника, возможность противостояния и конфронтации с Соединенными Штатами»³.

Современные китайские исследователи отмечают, что в 80-е годы (после XII съезда КПК) начинается новый этап в эволюционной стратегии национальной безопасности КНР. Ключевым элементом стратегии стало стремление поддерживать дружеские отношения со сверхдержавами и создавать системы международных гарантий, которые предохраняли бы Китай от возможного военного нападения, давая ему возможность сосредоточиться на решении внутренних задач развития и модерни-

зации страны.⁴ Американские аналитики. М. Свэйн и Э. Теллис отмечают, что современная внешнеполитическая стратегия КНР направлена на решение трех взаимосвязанных задач: сохранение порядка и благополучия внутри страны; защиту национального суверенитета и территориальной целостности от перманентной внешней угрозы; сохранение геополитического влияния Китая в качестве одной из ведущих стран мира. В дальнейшем, по прогнозу американских ученых, политика КНР станет более напористой: ни одна значительная региональная или глобальная проблема не сможет быть решена без учета ее национальных интересов⁵.

Однако пока отношения с США стоят особняком в китайской внешней политике. В КНР их называют «приоритетом приоритетов» и «важнейшими из двусторонних отношений современного мира». Американский исследователь Филькенштейн утверждает, что еще рано делать какие-либо выводы по поводу политики и намерений США относительно Китая. В то же время, многие китайские аналитики единодушны в общей позиции, согласно которой, американская политика по отношению к Китаю становится все более настороженной, а шаги США по отношению к Китаю в последнее время становятся все более «негативными»⁶. При этом китайская сторона активно пытается реализовать популярную в стране концепцию стратегического треугольника «Китай – США – Россия», согласно которой политическое расстояние между китайским и американским, китайским и российским «углами» должно быть ближе, чем между американским и российским.

По мнению Филькенштейна, одни китайские аналитики уверовали, что США проводит политику одновременно в двух направлениях: экономического вовлечения и военного сдерживания. Другие считают, что китайская политика США только формируется. Однако материалы Конференции, проведенной китайским институтом современных

³ Кузык Б. Н. Китай-Россия-2050: стратегия соразвития [Текст] / Б. Н. Кузык, М. Л. Титаренко. – М., 2006. – С. 553-554.

⁴ Ощепков В.П. Россия и Китай в зеркале региональной политики, – М., 1998. – С.45.

⁵ Абрамова Н. А. «Китайский регион» в политическом измерении [Текст] / Н. А. Абрамова, Т.Н. Кучинская. — Чита, 2008. — С. 115-116.

⁶ Finkelstein D.M. The View from Beijing: the US - China Security Relations from Kosovo to September 11, 2001// China's growing military power: perspectives on Security, Builistic Missiles and Conventional Capabilities. Carlisle: 2002. P. 45.

международных отношений по вопросам американо-китайских отношений показывают, что в лице США усматривается множество вызовов интересам Китая»⁷.

Американские авторы Р. Монтaperto и Х. Биннендик, специалисты в вопросах безопасности Восточной Азии говорят о том, что в сфере безопасности китайцев, беспокоит, прежде всего, перефокусирование альянса по безопасности между США и Японией с обороны Японии на региональную безопасность⁸. С точки зрения НОАК, будущая структура безопасности должна выражать новую концепцию безопасности, основанную на учете трех принципов, а именно:

- общая безопасность. НОАК считает, что структура должна обеспечивать безопасность всем странам региона, но не одному или группе государств за счет других. С этой точки зрения, военные альянсы, в частности, японско-американский, неприемлемы.
- коллективная безопасность. По мнению китайских военных специалистов, в структуре безопасности должны учитываться одновременно разнообразие внутри региона и равноправие региональных сил. Китай твердо придерживается позиции, согласно которой, хотя Китай, Япония, США и Россия имеют особую ответственность, ни одно из этих государств или группы государств не должны играть роль регионального полисмена.
- всесторонняя безопасность. Безопасность включает в себя и военную и экономическую компоненты. Исходя из этих принципов, аналитики НОАК считают, что альянс Японии и США не обеспечивает основу для безопасности в регионе, поскольку взаимозависимость, коллективный подход являются доминантами на данном этапе. Характер же китайско-российских отношений они определяют как тип стратегического

партнерства, который при этом не носит характер альянса против другой группы⁹.

В Китае сложилась очевидная зависимость стратегии национальной безопасности от задач внутреннего развития. Если до 80-х годов в китайской стратегии приоритетными были интересы военной безопасности, то в дальнейшем центром стратегии стала задача экономического строительства. В Китае считали, что чем мощнее будет государство, тем меньше оно будет нуждаться в иностранной помощи, и тем самым ослабит давление извне¹⁰.

Руководством КНР были сформулированы основные цели государства до конца XX века. Они заключались в предотвращении мировой войны и обеспечении мирного окружения страны. Было поставлено три задачи, а именно: ускорение темпов социалистической модернизации; воссоединение Родины, включая объединение с Тайванем; борьба против гегемонизма, за сохранение мира во всем мире. В основу выполнения этих задач, положено экономическое строительство, а в нем залог разрешения внешних и внутренних проблем.

В этот период происходит становление новых концептуальных основ китайского подхода к основным проблемам мирового развития. В анализе международной ситуации стало преобладать видение мира с позиции многополюсности¹¹. На рубеже 80-90-х годов прошлого века теория многополюсности мира окончательно заняла главенствующее место в политологии КНР.

В настоящее время важнейшей стратегической задачей, которую руководство КНР ставит перед собой, является усиление роли страны в глобальной политике, чтобы «играть одну из ключевых ролей в формировании будущей мировой архитектуры»¹².

Китайский исследователь Ли Эрпин суть стратегии безопасного развития КНР в XXI столетии сводит к следующим основным взаимосвязанным целям: сохранение внутреннего порядка и общественного спокойствия; защита

⁷ Там же. С. 48

⁸ R.N. Montaperto, H. Binnendijk. PLA Views on Asia Pacific Security in the 21st Century // Strategic Forum. Institute for National Strategic Studies. N 114. June 1997.
R.N. Montaperto, H. Binnendijk. PLA Views on Asia Pacific Security in the 21st Century // Strategic Forum. Institute for National Strategic Studies. N 114. June 1997.

⁹ См.: Гончаров С.Н., Виноградов Л.О. К вопросу об эволюции внешнеполитической концепции КНР // Проблемы Дальнего Востока. 1998. №4.

¹⁰ См.: Гончаров С.Н., Виноградов Л.О. Указ. соч.

¹¹ Остроухов О.Л. Внешняя политика Китая в годы реформ и перспективы ее развития // Мировая экономика и международные отношения. 1999. №3, – С.9.

¹² Китай: угрозы, риски, вызовы развитию [Текст] / Под ред. В. Михеева. — М., 2005. — С. 358.

государственного суверенитета во избежание территориального вмешательства «угроз извне»; распространение влияния на существующую в мире политическую ситуацию. Исходя из этих целей, характеризующих национальные интересы, КНР намерена продолжать модернизацию, всестороннее построение общества «сяокан» (всеобщего благоденствия и гармонии), осуществлять объединение нации, отстаивать суверенитет и безопасность, добиваться статуса великой мировой державы, защищать мирные интересы и способствовать всеобщему развитию на Земле¹³.

Выдвигая в качестве основы стратегии национальной безопасности создание мирного окружения по периметру своих границ и обеспечение благоприятных условий для внутреннего развития, зафиксировав во внешнеэкономических приоритетах задачу диверсификации экономических связей с традиционными партнерами по региону из числа развивающихся стран» Китай не мог не уделять особого внимания идущим в АТР экономическим интеграционным процессам. Отсутствие адекватного взаимопонимания между государствами влияет на состояние политического доверия между ними и сказывается на решении существующих между ними проблем.

По мнению Пяо Цзяньи (заместителя директора Института АТР Академии общественных наук КНР) китайско-японско-южнокорейские отношения являются сбалансированными, их нельзя назвать ни хорошими, ни плохими, однако они погрязли в рутине практицизма¹⁴.

В тоже время добрососедские дружеские отношения стали основой и гарантией развития экономических, торговых и культурных обменов между Китаем и пограничных с ним государств, укрепления взаимопонимания и доверия, уменьшения споров и конфликтов, решения территориальных и пограничных конфликтов, а также эта политика сыграла решающую роль в районе АТР и добилась заметных успехов. Руководствуясь курсом добрососедской дружеской дипломатии, Китай выдвинул предложение «отложить в сторону распри, всем вместе заниматься освоением», это предложение

является важной руководящей идеей Китая в решении международных споров.

Следует отметить, что основное содержание новой концепции национальной безопасности КНР, изложенной в речах китайских лидеров и правительственных документах, можно свести к следующим основным пунктам¹⁵:

- 1) защита стабильности международной обстановки;
- 2) взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности – гарантия международной безопасности;
- 3) невмешательство во внутренние дела других государств – главная предпосылка гарантии их независимости, политическая основа международной безопасности;
- 4) основа международной безопасности – общие интересы безопасности, взаимное доверие и экономическое развитие, а не демонстрация силы; создание военных блоков;
- 5) взаимное доверие – политическое условие региональной стабильности;
- 6) неприменение военной силы для решения спорных проблем – важная форма обеспечения безопасности;
- 7) экономическое развитие – важная основа международной безопасности, экономическая безопасность – важная составная часть стабильности и развития;
- 8) стабильность и процветание неразрывны с политической и социальной стабильностью каждого государства региона;
- 9) необходимость создания структуры безопасности, способствующей мирной стабильности;
- 10) действия в духе «менталитета холодной войны» – угроза международной безопасности.

Таким образом, приоритетными направлениями внутри- и внешнеполитической деятельности КНР являются, во-первых, обеспечение мирных условий на длительный период для решения проблем внутри Китая, во-вторых, самостоятельная, независимая внешняя политика, которая предполагает самостоятельную позицию руководства КНР и то, что Китай не будет вступать в союзы, коалиции или строить тесные отношения ни с одним центром

¹³ Феоктистов В. М. Культурно-цивилизационные ценности концепции национальной безопасности КНР в условиях глобализации [Текст]: дис. канд. филос. наук / В. М. Феоктистов. — Чита, 2007. — С. 55.

¹⁴ См.: Вестник ДВО РАН №5, 2009..175-176.

¹⁵ Феоктистов В. М. Культурно-цивилизационные ценности концепции национальной безопасности КНР в условиях глобализации [Текст]: дис. канд. филос. наук / В. М. Феоктистов. — С. 100-101.

силы, в-третьих, он не намерен на практике позволять кому-либо вмешиваться в его внутренние дела, в-четвертых, добрососедские отношения с соседними государствами, в-пятых, поддержка и сотрудничество с развивающимися странами.

Ся Липин и Цзян Сяюань отмечают, что традиционной ценностью китайской нации является стабильность, которая может быть достигнута только в контексте мирной политики. Китай заинтересован в мирных внешних условиях, поэтому способен содействовать поддержанию мира в АТР. Рассматривая возможности международного развития КНР, китайские исследователи отвергают не только военный путь, но и альянс с «руководящими странами», т. к. это может нанести вред национальному суверенитету. Процветание страны, в конечном итоге, определит не столько поддержка других государств, сколько способность КНР проводить собственную политику мира и экономического развития¹⁶.

Исходя из этого, Китай осуждает гегемонизм и политику силы, выступает против применения военной силы, за разрешение споров путем мирных консультаций. Он стремится к развитию экономического сотрудничества со всеми странами, что в реальной политике означает заинтересованность прежде всего в получении выгод от экономических и торговых связей со всеми государствами и регионами планеты. Экономические интересы в данном случае выступают на первый план. При известных обстоятельствах они могут оказываться важнее и политических, и идеологических, и геополитических интересов. Однако, подчеркивает Сюн Гуанкай, «мир и процветание можно обеспечить только в многополярной международной системе, построенной на принципах мирного сосуществования»¹⁷.

После холодной войны Китай наряду с тем, что повышал свою обороноспособность и укреплял добрососедские дружеские отношения, одновременно активно поддерживал создание механизма многостороннего сотрудничества в области безопасности в районе АТР с тем, чтобы укреплять взаимное доверие между странами АТР и уменьшать

неожиданные конфликты, поддерживать мир и безопасность в регионе.

По оценке А. Болятко, руководство КНР рассматривает национальную безопасность как процесс, защищающий от угроз внешнего и внутреннего характера и как способ достижения целей регионального и глобального масштаба путем развития того, что китайские стратеги называют «всеобъемлющей силой государства».

На наш взгляд, можно говорить о том, что в начале XXI столетия происходит эволюция и даже некоторая переоценка китайского фактора во внешнеполитической стратегии России. Российское руководство, как неоднократно заявлял В. В. Путин, считает развитие отношений добрососедства, дружбы, стратегического партнерства и сотрудничества с КНР одним из своих важнейших приоритетов. Китайско-российские отношения также занимают одно из центральных мест во внешней политике КНР.

Трансформация российско-китайских отношений происходит в диалектическом взаимодействии их форм и содержания. Имеется в виду постоянная эволюция и взаимная корректировка международно-правовых параметров взаимосвязей двух стран перед лицом тех вызовов региональной и глобальной безопасности, с которыми оба государства сталкиваются в современном стремительно меняющемся мире.

Среди ключевых событий этой эволюции следует отметить подписание 16 июля 2001 г. президентом РФ В. В. Путиным и председателем КНР Цзян Цзэмином Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, который определил основные направления сотрудничества:

- расширение равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия, соблюдение принципов взаимного уважения суверенитета, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды;
- разрешение возникающих разногласий исключительно мирными средствами в соответствии с положениями Устава ООН, другими общепризнанными принципами и нормами международного права;
- взаимное уважение выбора пути политического, экономического, социального и культурного развития каждой из сторон;

¹⁶ Абрамова Н. А. «Китайский регион» в политическом измерении [Текст] / Н. А. Абрамова, Т.Н. Кучинская. — С. 107-108.

¹⁷ Абрамова Н. А. «Китайский регион» в политическом измерении [Текст] / Н. А. Абрамова, Т.Н. Кучинская. — С. 107-108

- реализация мер по укреплению доверия в военной области, обеспечение собственной безопасности на основе разумной достаточности, осуществление военно-технического сотрудничества, не направленного против третьих государств;
- неучастие в каких-либо союзах или блоках, наносящих ущерб суверенитету и безопасности каждой из сторон;
- взаимодействие в сфере поддержания глобального стратегического баланса и соблюдения основополагающих договоренностей, обеспечивающих соблюдение стратегической стабильности;
- обеспечение совместных усилий по укреплению центральной роли ООН как наиболее авторитетной международной организации;
- развитие взаимовыгодного сотрудничества в торгово-экономической, военно-политической, научно-технической, энергетической, транспортной областях, в ядерной энергетике, в развитии приграничного и межрегионального торгово-экономического сотрудничества;
- взаимодействие в международных финансовых учреждениях, экономических организациях и форумах;
- сотрудничество в области защиты и улучшения состояния окружающей среды, сохранения биоресурсов, природных экосистем, предупреждения катастроф техногенного характера и ликвидации их последствий;
- взаимодействие в правоохранительной сфере, в борьбе с терроризмом, организованной преступностью, незаконным оборотом наркотических средств, оружия, нелегальной миграцией и др.

По мнению большинства российских, китайских и западных экспертов, Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве зафиксировал возникновение между РФ и КНР отношений особого типа, при котором сотрудничество по ряду направлений сочетается с обоюдным стремлением избежать создания военного союза.

Цзян Цзэминь дал следующую характеристику отношениям РФ и КНР:

- это отношения исключительно дружбы и взаимодействия, но не отношения союза;
- между Китаем и Россией существует новый тип межгосударственных связей – партнерские, а не союзнические отношения;

- для наших отношений характерен отказ от направленности против третьих стран;
- наши страны никогда не должны быть врагами, но должны вечно быть добрыми соседями, добрыми друзьями, добрыми партнерами¹⁸.

Однако нельзя не заметить определенной двусмысленности в отношениях России и Китая. На официальном уровне все выглядит оптимистично. Нынешнее состояние российско-китайских отношений в Москве именуют наилучшим этапом в истории двусторонних отношений, в Пекине – новой высотой.

Вместе с тем в обеих странах существуют силы, не заинтересованные в таком развитии событий и всемерно ему противодействующие. «Каждый китаец со школьной скамьи убежден, что Россия захватила как минимум 1,5 млн. кв. км китайской территории. Тема былых российских преступлений используется при воспитании подрастающего поколения на протяжении многих десятилетий. Она культивируется в сознании китайцев под воздействием правительственной пропаганды, никогда не вызывавшей энергичных протестов ни советского, ни российского правительства».

Не решен вопрос о продолжающейся «картографической агрессии» КНР против России: в Поднебесной регулярно выпускаются карты, на которых свыше 1,5 млн. кв. км российской территории окрашены в цвета Китая. Полностью не изжито понятие «великая северная целина», под которой подразумеваются восточные регионы России.

Как отмечают М. Л. Титаренко, антироссийские прозападные силы в КНР пользуются тем, что с уходом из жизни людей старших поколений постепенно «выдыхается» традиционная дружба между гражданами России и Китая. Молодые поколения, ориентированные на Запад, не наследуют дружеских чувств к России¹⁹. Следует отметить, что в Китае отношение к Договору о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве не было однозначно положительным (при том, что подписание документа инициировано китайской стороной). За несколько дней до его подписания в Интернете появился документ на китайском языке. В нем с перечислением двух десятков названий разных публикаций

¹⁸ Арсеньева И.И. Россия между Востоком и Западом. Стратегия национальной безопасности – М.: Восток-Запад, 2008 – С.110

¹⁹ См.: Титаренко М.Л. Указ. соч.

категорично утверждается, что территориальные претензии Китая к России составляют не 1,5 млн., а 5,88 млн. кв. км, т.е. это территория практически всей Сибири до Урала включительно. Цзян Цзэминь объявлен «величайшим преступником, продавшим китайскую нацию», а Россия провозглашена «вековым врагом китайской нации». «Мы должны добиться обнищания России и ее непрерывных расколов»²⁰.

Безусловно, данный документ – это явная провокация, рассчитанная на срыв подписания договора, в первую очередь его шестой статьи, которую можно расценить как официальный отказ китайского правительства от территориальных претензий к России. Многочисленные попытки найти авторов этого документа ни к чему не привели. Однако существуют и другие работы, где отношение к России не всегда является положительным. Так Шэнь Вэйле и Лу Цзюньюань считают ее исторически главным врагом Китая. По их утверждению, в 1689 г. был подписан «равноправный Нерчинский договор», который определил границу между Китаем и Россией, однако в дальнейшем «Россия захватила более 1,5 млн. кв. км китайской территории», в том числе в XIX столетии она «захватила все пространство к северу от Великой китайской стены»²¹. Распад СССР в целом авторы оценивают положительно (хотя и отмечают, что после этого события на Западе усилилась тенденция враждебного отношения к КНР). «Из сверхдержавы Россия превратилась в державу регионального масштаба», «военная мощь России ослабла, что привело к улучшению ситуации в сфере безопасности»²².

Многие китайские эксперты утверждают, что нынешние отношения России и Китая можно охарактеризовать словами вверху жарко, а внизу холодно. Это означает, что для официальных отношений, прежде всего отношений лидеров обеих стран, характерна необычайно теплая атмосфера, в то время как на уровне средств массовой информации из Китая в Россию и из России в Китай веет холодом.

Так, газета «День» категорично продемонстрировала отношение к Китаю в одном из первых номеров, поместив статью под заголовком «Провинция Элофы». Газета убеждала читателей, что Китай намерен путем последовательного захвата российских территорий провести свою границу по Уралу.

«По некоторым данным, в ближайшие 20-30 лет на Дальний Восток и в Сибирь всеми правдами-неправдами может проникнуть до 260 млн. китайцев. Это примерно 20% населения Китая, которые испытывают трудности с работой и активно ищут место под солнцем. В течение первых десяти лет китайцы «захватят» приграничные районы от Владивостока до Барнаула.

Эти процессы приведут к тому, что большая половина нашей страны превратится в китайскую провинцию Элофы («Россия» – кит.), и не исключено, что тогда наш восточный сосед решит предъявить территориальные претензии. К тому времени, по прогнозам демографов, население России может сократиться примерно до 130 млн. человек, т.е. в один далеко не прекрасный момент окажется, что выходцев из Китая на нашей территории в два раза больше, чем россиян»²³. При этом в газете не приведено никаких обоснований для столь категоричного прогноза. Более того, газета даже не использовала правильное название России по-китайски – Элосы. Однако нельзя отрицать тот факт, что китайская миграция (особенно нелегальная) на территорию России приобретает угрожающие масштабы и создает серьезную опасность для национальной безопасности Российской Федерации. Это признают даже китайские специалисты.

Так, эксперт отдела Европы Шанхайского института международных исследований Хуашэн Чжао не скрывает, что «в условиях увеличения численности китайского населения российский Дальний Восток с огромной территорией и малочисленным населением может стать естественным направлением миграции граждан КНР. По достижении определенного числа легально или нелегально переселившихся китайцев возникнет вероятность превышения их численности по сравнению с численностью местного населения. В этих условиях Россия может утратить контроль

²⁰ Арсеньева И.И. Указ.соч. – С.106.

²¹ См.: Там же – С.111

²² Румянцев Е. Н. Геополитические идеи современного Китая [Текст] / Е. Н. Румянцев // География национальной безопасности Китая: экспресс- информация ИДВ РАН. – М., 2007. – №7 (140). – С. 9.

²³ Гельбрас В. Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции [Текст] / В. Г. Гельбрас. – С. 22.

над Дальневосточным регионом или этот регион, возможно, будет поглощен Китаем»²⁴.

Угроза национальной безопасности РФ в данном случае обусловлена разницей демографического потенциала – перенаселенный Северо-Восточный Китай²⁵ и пустеющие Сибирь и Дальний Восток²⁶. В российских приграничных регионах происходит постоянное увеличение численности китайских диаспор. Безусловно, в современных условиях Россия не может отгородиться от остального мира, в том числе и от Китая. Следовательно, стратегическая задача России – всестороннее, комплексное развитие Сибири и Дальнего Востока.

В. И. Дятлов отмечает, что соседство с Китаем помогает российским регионам экономически выживать и развиваться, но одновременно формирует мощный комплекс страхов, опасений, обид, фобий, предубеждений. Они могут носить как вполне рациональный, так и нерациональный характер, но само их существование, массовость, воздействие на поведение (в том числе политическое) населения, политику региональных властей делают их самостоятельным вызовом национальной безопасности Российской Федерации²⁷.

В октябре 2004 г. состоялся визит президента РФ в КНР. 14 октября В. В. Путин и председатель КНР Ху Цзиньтао подписали совместное заявление, в котором отметили, что линия государственной границы между Россией и Китаем уже точно определена на всем ее протяжении, и это признается обоими государствами. Безусловно, это важный шаг в развитии двусторонних отношений, т. к. до этого

времени во всей почти четырехвековой истории двусторонних отношений России и Китая никогда не было точно определенной линии границы, признаваемой обеими сторонами. Это позволяет развивать двусторонние отношения на более прочной основе и создает предпосылки для успешного согласования возможных направлений российско-китайского глобального и регионального партнерства.

Также в заявлении особо подчеркивается, что углубление отношений стратегического партнерства между Россией и Китаем вне зависимости от каких бы то ни было изменений международной обстановки будет оставаться преимущественным направлением их развития.

В этом документе отмечается значение сотрудничества двух стран в ООН, ШОС и других международных организациях в борьбе против международного терроризма, предотвращении распространения оружия массового уничтожения, нераспространении ядерного оружия, в вопросе о безъядерном статусе Корейского полуострова и др.

Ярким примером успешного поиска и формирования конкретных форм и механизмов сотрудничества на основе совпадающих интересов стало подписание в Москве 1 июля 2005 г. В. В. Путиным и Ху Цзиньтао «Совместной декларации о международном порядке в XXI веке». В этом

документе отражен круг совпадающих взглядов России и Китая по основополагающим вопросам современного мироустройства. В декларации очерчиваются контуры общего видения перспектив развития человечества.

Стороны подтвердили свою приверженность формированию нового справедливого и рационального миропорядка, который должен основываться на примате международного права, многосторонних подходах, равенстве и взаимном уважении, повышении миротворческой роли ООН. Россия и Китай единодушно выступают против двойных стандартов в решении международных проблем, считают недопустимыми претензии на монополию в международных делах, навязывание извне моделей общественного развития, разделение стран на ведущие и ведомые.

Очевидно, что сегодня Китай и Россия²⁸ выступают в роли потенциально усиливающихся стран.

²⁴ Гладкий Ю. Н. Россия в лабиринтах географической судьбы [Текст] / Ю. Н. Гладкий. — С. 731.

²⁵ Население КНР ежегодно увеличивается на 15-16 млн. человек и уже превысило, согласно официальной статистике, 1 млрд. 300 млн. человек. В северо-восточных провинциях Китая проживает свыше 120 млн. человек.

²⁶ На огромной территории к востоку от Урала проживает, согласно переписи 2002 г., около 30 млн. россиян; между Байкалом и побережьем Тихого океана – всего 8 млн. Более подробно см: Баженова Е. С. Региональные проблемы народонаселения России и Китая: сравнительный анализ [Текст] / Е. С. Баженова // Китай в диалоге цивилизаций. – М., 2004. – С. 152-163.

²⁷ Дятлов В. И. Внешние миграции на востоке России как геополитический фактор [Текст] / В. И. Дятлов // Байкальский регион и геополитика Центральной Азии: история, современность, перспективы: материалы международного научного семинара-совещания. – Иркутск, 2004. – С. 52.

²⁸ Хотя и в значительно меньшей степени, чем Китай, – восьмое место в мировом экономическом рейтинге, 3,9%

Это вызывает настороженность и противодействие со стороны некоторых других акторов мировой политики, что побуждает РФ и КНР к активному взаимодействию для отстаивания своих совпадающих интересов:

- заинтересованность в сохранении и обеспечении мира во всем мире и различных его регионах как необходимого условия для решения проблем развития в каждой из наших стран;
- взаимодополняющее сотрудничество в деле развития РФ и КНР, в первую очередь Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая;
- борьба против международного терроризма;
- противодействие навязыванию одной страной своей воли другим странам, проявлениям односторонности в политике, прежде всего США, отстаивание многосторонности и многообразия во взаимоотношениях всех стран на планете;
- защита принципов международного права, особенно Устава ООН и др.

Такое совпадение интересов имеет долговременный стратегический характер и представляет собой важный аспект провозглашаемого и действительно необходимого обеим странам стратегического партнерства и взаимодействия на мировой арене в грядущие десятилетия XXI столетия.

Можно выделить основные взаимосвязанные уровни российско-китайского стратегического взаимодействия:

- глобальный уровень: сотрудничество России и Китая по важнейшим вопросам международной безопасности, построению нового мирового порядка, решению глобальных проблем и т.д.;
- региональный уровень: российско-китайское сотрудничество в Восточной Азии в целом и особенно в Северо-Восточной Азии;
- межрегиональный уровень: приграничное сотрудничество, в первую очередь между китайским северо-востоком и Сибирью, Дальним Востоком РФ.

Важную роль в российско-китайских отношениях играет энергетический фактор. Для Пекина обеспечение энергетической безопасности, диверсификация источников поступления в страну энергоресурсов за счет активизации северного направления имеет особое значение.

Еще в 1990 г. Китай был в числе мировых экспортеров нефти (он занимал шестое место в мировом табеле), однако уже в 1993 г. он превратился в нетто-импортера, а к 2010 г. станет одним из основных (наряду с США и Японией) мировых импортеров нефти¹.

А. Д. Воскресенский отмечает, что к 2020 г. Китай будет импортировать примерно 50-60% необходимой ему нефти и 30% природного газа. В результате с высокой долей вероятности можно прогнозировать такую ситуацию, когда КНР придется напрямую увязывать свою стратегию развития со стратегиями других государств из-за необходимости импорта энергетических ресурсов. Причем количество энергоресурсов, которое будет импортировать Китай в 2010-2020 гг., станет критическим для того, чтобы обеспечить его модернизацию и развитие²⁹.

Очевидно, что это будет напрямую влиять на стратегию развития страны, на политику других государств в отношении Китая и косвенно на проблематику трансформации мирового лидерства. Ожидается, что Иран, имеющий очень непростые отношения с США, станет вторым по объемам (после Саудовской Аравии) поставщиком нефти. Кардинальным образом возрастет значение России и Центральной Азии с точки зрения поставки энергоресурсов в КНР.

Уже сегодня китайское руководство придает энергетическим проблемам первостепенное значение. Об этом свидетельствует, в частности, учреждение специальной Государственной канцелярии по нефтяным резервам, Энергетического управления в составе Госкомитета по развитию и реформам, а также создание различными заинтересованными ведомствами Государственной проблемной группы по разработке энергетической стратегии.

Таким образом, перед Китаем будет стоять проблема обеспечения стабильного импорта энергоресурсов, и это станет одним из важнейших факторов его внешней политики и концепции национальной безопасности. КНР станет активным участником мировой энергетической геополитики и, соответственно, будет иметь прямой геополитический интерес в отношении Центральной Азии и северо-

от мирового ВВП. См.: Россию признали восьмой экономикой мира [Текст] // Коммерсантъ. – 18.12.2007. – №233 (3809).

²⁹ Воскресенский А. Д. «Большая Восточная Азия»: энергетические аспекты международных отношений и безопасности [Текст] / А. Д. Воскресенский // Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии. — С. 34.

востока России, т.е. тех регионов, которые являются ключевыми для ее энергетического развития».

Как отмечают Б. Н. Кузык и М. Л. Титаренко, для Пекина чрезвычайно важно, что отношения с Россией в наименьшей степени (по сравнению со многими другими его партнерами) подвержены внешнему воздействию, прежде всего со стороны США. В этом плане Китай остается одним из немногих государств, заинтересованных в том, чтобы наша страна сохранила и упрочила статус великой державы, что служит гарантией принятия Россией независимых решений в различных сферах. КНР уже ощущает себя достаточно сильной, чтобы не бояться подъема России, опасения по поводу «угрозы с севера» давно ушли в прошлое. Слабеющая Россия – гораздо более тревожная тема для китайских аналитиков³⁰.

Помимо этого, сотрудничество с Россией является для Китая фактором поддержания геополитического баланса сил в регионе, сохранения «спокойствия на севере» и одним из противовесов американскому и японскому влиянию. Для России дружественные связи с Китаем служат одним из средств «обеспечения тыла» при пересмотре стратегии взаимодействия с Западом, а также выступают «потенциальным стержнем» азиатского азимута российской внешней политики, на который возлагают все большие надежды³¹.

Однако сегодня высказываются различные точки зрения относительно того, каким образом и в каком направлении будут развиваться отношения РФ и КНР в дальнейшем. Российские ученые выделяют несколько возможных вариантов развития российско-китайских отношений в ближайшей и среднесрочной перспективе³².

1. Относительно легко достижимой является экстраполяция нынешней модели российско-китайских отношений, когда достаточно интенсивные политические контакты будут перманентно опережать уровень торгово-экономических, культурных и общественных связей. В этом случае, однако, на качестве двусторонних связей будут сказываться

как нерешенные проблемы в собственно российско-китайских отношениях, так и размывающее воздействие политики основных мировых центров силы — США, Европы, Японии.

Так, директор Института исследований Азиатско-Тихоокеанского региона Шанхайской Академии общественных наук, профессор Чжоу Цзяньмин считает, что «Россия переживает тяжелейший упадок, экономически зависит от Запада, поэтому идет в фарватере западной политики и во многом разделяет отношение Запада к Китаю»³³.

В перспективе не исключено выхолащивание отношений доверительного стратегического партнерства или сведение их к формальным декларациям, реальное понижение места России в стратегических приоритетах Китая и места КНР в стратегических приоритетах России. В целом такой вариант чреват «ползучим» ослаблением геополитических позиций России и поэтому не отвечает ее национальным интересам.

Гипотетически нельзя исключать в перспективе на 15-20 лет появления в российско-китайских отношениях конфронтационных элементов. Отсутствие глубокого понимания и доверия между элитами, да и значительной частью населения обеих стран, может привести к тому, что внезапное обострение противоречий по одному из нерешенных или не до конца решенных вопросов (трасса нефтепровода, миграция и т.п.) будет чревато всплеском антироссийских настроений в Китае и антикитайских – в России. Необходимо также учитывать, что определенный сегмент китайской элиты традиционно настроен по отношению к России крайне сдержанно и даже недружелюбно. Эти силы, активно поддерживаемые Западом, могут использовать эмоциональные нападки на Китай в российских СМИ и политических кругах для усиления своих позиций.

Дальнейшее совершенствование многовекторной направленности российской дипломатии и политики призвано помочь избежать такого развития событий, когда реализация перспективных целей России по сближению с ЕС и США была бы достигнута за счет «жертв» в китайском направлении.

3. Оптимальным для России сценарием является всестороннее углубление российско-китайского сотрудничества, переход, прежде всего на базе до-

³⁰ Кузык Б. Н. Китай-Россия-2050: стратегия соразвития [Текст] / Б. Н. Кузык, М. Л. Титаренко. — С. 571.

³¹ Воскресенский А. Д. «Стержень» азиатского азимута российской внешней политики [Текст] / А. Д. Воскресенский // Pro et Contra. - 2001. - №9. - С. 74-93.

³² Кузык Б. Н. Китай-Россия-2050: стратегия соразвития [Текст] / Б. Н. Кузык, М. Л. Титаренко. — С. 572-573.

³³ Бордачев Т. В. Будущее Азии и политика России [Текст] / Т. В. Бордачев // Россия в глобальной политике. - 2006. - №2. — Март-апрель. - С. 34-48.

стижения духовного взаимопонимания, прорыва в торгово-экономических и общественных связях, к модели реального соразвития двух стран. Главные плюсы этого варианта – мощный импульс для подъема Сибири и Дальнего Востока, усиление позиций России в СВА и Восточной Азии в целом, получение нашей страной реальных выгод от глобализации мировой экономики.

Эта модель может быть реализована не сразу, а в несколько этапов. В ближайшее десятилетие акцент неизбежно должен быть сделан на реализации очевидных сравнительных преимуществ России (наличие энергоносителей, обширной территории, исполнение транзитных функций и т.д.), которые в полной мере могут быть востребованы Китаем.

Разумеется, данный вариант развития не является автоматически гарантированным. Он требует политической воли руководства России и Китая, настойчивой последовательной работы, взаимных уступок и учета интересов друг друга, противодействия прямым и косвенным попыткам внешних сил играть на реальных и мнимых трениях и противоречиях между нашими странами.

Необходимо учитывать и то, что по мере развития российско-китайских отношений на них будет оказывать «возрастающее влияние американский фактор»³⁴.

На наш взгляд, российско-китайские отношения ни в коем случае нельзя ни идеализировать, ни упрощать. Они могут быть чреваты весьма опасными конфликтами, особенно в перспективе. Однако в настоящий момент пограничные вопросы между РФ и КНР в основном решены, двусторонние отношения достаточно ровны и стабильны, и, по всем имеющимся оценкам, основной вектор военно-политических усилий Китая в ближайшие годы не будет направлен в сторону России. Используя эту ситуацию, наша страна может активизировать взаимодействие с Китаем по целому ряду аспектов, что будет способствовать укреплению ее национальной безопасности.

Российско-китайская граница – это не только геополитический рубеж, она разделяет разные экономические, демографические, социокультурные системы. Однако, несмотря на все проблемы и

противоречия, Россия и Китай выступают одними из ключевых акторов обеспечения безопасности и стабильности в Восточной Азии и мире в целом. Спектр их стратегического взаимодействия в XXI столетии чрезвычайно широк, он носит и региональный, и глобальный характер.

В Китае военные угрозы рассматриваются в связи с потенциальными вызовами в экономической и социополитической сферах. Основываясь на видении Пекина современной международной ситуации на региональном и глобальном уровнях, сохранение военной безопасности считается китайским руководством третьим из основных национальных приоритетов развития Китая после экономического роста и сохранения социально-политического строя и национального единства³⁵.

По мнению А. Болятко, с точки зрения КНР, ситуация безопасности в СВА стабильна, хотя существует ряд негативных моментов. Негативные моменты проявляются:

- в увеличении военного присутствия США в районах, близких к китайским границам;
- в планировании развертывания театра ПРО в Восточной Азии;
- в создании в Японии основы, которая смягчает ограничения, связанные с военными действиями в зоне вокруг Японии;
- в увеличении числа совместных военных тренировок армии США и их союзников;
- в усилении нестабильности на Корейском полуострове и Южной Азии и Южно-китайском море.

В настоящий момент в обстановке безопасности в районе СВА существуют некоторые сдерживающие факторы, что неблагоприятно сказывается на реализации данного Китаем понятия безопасности сотрудничества. Это прежде всего укрепление военных союзов в районе восточной Азии, «теория двух Китаев» Ли Дэнхуэя, и вообще напряженная обстановка на Тайване, вызванная политикой правительствам Чэнь Шуйбяня, препятствующего объединению двух берегов.

Эти факторы мешают стабилизации безопасности в районе СВА, серьезно сдерживают усилия

³⁴ Бергер Я. М. Перспективы сотрудничества [Электронный ресурс] / Я. М. Бергер. - Режим доступа: www.fondedin.ru/sr/new/fullnews_arch_to.php?subaction=show-full&id=1130137476&archive=1130138106&start from=&ucat=14&

³⁵ Bolyatko A.V. A View from Moscow: China's growing military power// China's growing military power: perspectives on Security, Bullistic Missiles and Conventional Capabilities. Carlisle: 2002. P. 99.

Китай в области безопасности сотрудничества. Китай активно участвует в многостороннем сотрудничестве и диалоге по безопасности в районе АТР, и вместе с тем не пренебрегает двусторонним сотрудничеством по безопасности и обменом со странами этого региона, особенно сотрудничеством с США и Россией. Сотрудничество по безопасности Китая и России в обстановке укрепляющего единства стратегических интересов после холодной войны очень быстро развивается. На протяжении правления В. Путина еще более усилилась азиатское направление дипломатии России, в общих усилиях по противодействию строительству США системы ПРО Китай и Россия имеют общие интересы, их двустороннее сотрудничество также очень сильно укрепляется. Между сотрудничеством по безопасности и двусторонним диалогом не существует противоречия и противостояния, они не могут взаимно заменять друг друга, но оба могут взаимно дополнять друг друга.

Что же касается многостороннего сотрудничества по безопасности, то оно может еще лучше отразить концепцию и практику общей безопасности и безопасности сотрудничества. В обстановке, когда механизм безопасности в районе еще не достаточно отработан, Китай должен, с одной стороны, укреплять двусторонний диалог и консультации, а с другой стороны, должен неустанно развивать многостороннее сотрудничество по безопасности. В марте 2009 года в Китае вышла массовым тиражом «Китай недоволен». Авторы утверждают, что необходимо распознать дипломатические приемы Запада, который действует как в «рулетке». Надо осмелиться на то, чтобы устранить (искоренить) применение насилия (силы) в международном сообществе, и утвердить в нем добро и покой; отбросить свои дурные поветрия, расчистить путь к мощному государству³⁶.

США не скрывают своей ставки на глобальное военное превосходство, при этом быстрее всего их присутствие нарастает в Азии по периметру границ КНР. США создали военные базы в центральной Азии, активизировали военное сотрудничество с Тайванем и укрепляют партнерские отношения со странами АТР с целью окружения Китая.

Кроме того, корректировка политики крупных государств также очевидно происходит не в

пользу Китая. Американские официальные лица неоднократно заявляли, что Россия не является врагом США и она не представляет для них угрозы. В центре американской стратегии оказывается в результате Китай, Роль России как сдерживающего фактора по отношению к американскому давлению на Китай постепенно ослабевает. Стратегические отношения Индии и США в период антитеррористической кампании значительно укрепились, в политике Пакистана определенно возобладал проамериканский уклон. Все это приводит к тому, что военно-политическая обстановка вокруг Китая становится все более напряженной.

В своих основных принципах внешнеполитическая стратегия Китая остается неизменной. По-прежнему она рассматривает стабильность внутренней политики и строительство экономики в качестве главного дела, для этого правительство Китая очень надеется создать мирную стабильную международную обстановку и атмосферу вокруг себя.

Китайская дипломатия продолжает идти вперед по уже намеченному пути, главным образом это проявляется в следующих особенностях;

1. Китай начинает проводить политику в регионе с позиций крупной державы.
2. Китай поддерживает развитие многосторонних механизмов по обеспечению безопасности в регионе.
3. В вопросе о Тайване Китай, подчеркивает, что окончательная позиция Китая не может выйти на принцип «одного Китая», так как опасается военного вмешательства США.

Реорганизацию и модернизацию китайской армии, которые так беспокоят Японию и США, А. Болятко объясняет необходимостью в защите Китая от внешних угроз, сохранения внутренней стабильности и для будущего объединения Тайваня с Китаем. А Болятко считает, что постепенная замена устаревших видов вооружения новыми не представляет угрозы другим странами не нарушает баланс сил на региональном и стратегическом уровне.

По его мнению, «Китай не готов к крупным конфликтам вне своей собственной территории. Утверждения китайского лидера о возможности силового решения тайванского вопроса можно расценивать скорее не более как политическое шоу. В

³⁶ См.: Галенович Ю.М. О чем пишут авторы сборника «Китай недоволен». – М., 2009.

ближайшем будущем Китай не способен на силовое решение проблемы тайванского вопроса»³⁷.

Современную ядерную стратегию Китая А. Болятко видит совсем в другом ключе, нежели американские и японские аналитики: «Значение ядерных сил в мирное время заключается в удерживании от развертывания ядерной войны против Китая и гарантировании независимой внешней политики. В военное время задачи ядерных сил Китая заключаются в предупреждении перехода войны обычными вооружени-

ями к ядерной войне. Ясно, что Китай не стремится к тому, чтобы достигнуть ядерного паритета с США или Россией. Он придерживается той философии, которая была признана в 1980-ые гг.: «ограниченная ядерная контратака с целью самообороны». Данная концепция учитывает не только ограниченные финансовые возможности страны, но также в понимании способности США и России создать такие системы, которые бы нейтрализовали любую разработку Стратегического ядерного оружия».

Библиография:

1. Соловьев В. С. Сочинения [Текст] / В. С. Соловьев. В 2 т. Т. 1. – М., 1989. – С. 353.
2. Воскресенский А. Д. Влияние российско-китайского стратегического взаимодействия на международные отношения и безопасность в АТР [Текст] / А. Д. Воскресенский // Россия и Китай: сотрудничество в условиях глобализации. – С. 78-79.
3. Кузык Б. Н. Китай-Россия-2050: стратегия соразвития [Текст] / Б. Н. Кузык, М. Л. Титаренко.– М., 2006.– С. 553-554.
4. Ощепков В.П. Россия и Китай в зеркале региональной политики, – М., 1998. – С.45.
5. Абрамова Н. А. «Китайский регион» в политическом измерении [Текст] / Н. А. Абрамова, Т.Н. Кучинская. — Чита, 2008. — С. 115-116.
6. Finkelstain D.M. The View from Beijing: the US - China Security Relations from Kosovo to September 11, 2001// China's growing military power: perspectives on Security, Buliistic Missiles and Conventional Capabilities. Carlisle: 2002. P. 45.
7. R.N, Montaperto.H. Binnendijk. PLA Views on Asia Pasific Security in the 21th Century// Strategic Forum. Institute for National Strategic Studies. N 114. June 1997.
8. См.: Гончаров С.Н., Виноградов Л.О. К вопросу об эволюции внешнеполитической концепции КНР // Проблемы Дальнего Востока. 1998. №4.
9. Остроухов О.Л. Внешняя политика Китая в годы реформ и перспективы ее развития // Мировая экономика и международные отношения. 1999.№3, – С.9.
10. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию [Текст] / Под ред. В. Михеева.— М., 2005. — С. 358.
11. Феоктистов В. М. Культурно-цивилизационные ценности концепции национальной безопасности КНР в условиях глобализации [Текст]: дис. канд. филос. наук / В. М. Феоктистов. — Чита, 2007. — С. 55.
12. См.: Вестник ДВО РАН №5, 2009.175-176.
13. Феоктистов В. М. Культурно-цивилизационные ценности концепции национальной безопасности КНР в условиях глобализации [Текст]: дис. канд. филос. наук / В. М. Феоктистов. — С. 100-101.
14. Абрамова Н. А. «Китайский регион» в политическом измерении [Текст] / Н. А. Абрамова, Т.Н. Кучинская. — С. 107-108.
15. Арсеньева И.И. Россия между Востоком и Западом. Стратегия национальной безопасности – М.: Восток-Запад, 2008 – С.110

³⁷ Bolyatko A.V. A View from Moscow: China's growing military power// China's growing military power:perspectives on Security, Buliistic Missiles and Conventional Capabilities. Carlisle, 200293-100.

16. Румянцев Е. Н. Геополитические идеи современного Китая [Текст] / Е. Н. Румянцев // География национальной безопасности Китая: экспресс- информация ИДВ РАН. – М., 2007. – №7 (140). – С. 9.
17. Гельбрас В. Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции [Текст] / В. Г. Гельбрас. – С. 22.
18. Гладкий Ю. Н. Россия в лабиринтах географической судьбы [Текст] / Ю. Н. Гладкий. — С. 731.
19. Население КНР ежегодно увеличивается на 15-16 млн. человек и уже превысило, согласно официальной статистике, 1 млрд. 300 млн. человек. В северо-восточных провинциях Китая проживает свыше 120 млн. человек.
20. На огромной территории к востоку от Урала проживает, согласно переписи 2002 г., около 30 млн. россиян; между Байкалом и побережьем Тихого океана – всего 8 млн. Более подробно см.: Баженова Е. С. Региональные проблемы народонаселения России и Китая: сравнительный анализ [Текст] / Е. С. Баженова // Китай в диалоге цивилизаций. – М., 2004. – С. 152-163.
21. Дятлов В. И. Внешние миграции на востоке России как геополитический фактор [Текст] / В. И. Дятлов // Байкальский регион и геополитика Центральной Азии: история, современность, перспективы: материалы международного научного семинара-совещания. – Иркутск, 2004. – С. 52.
22. Хотя и в значительно меньшей степени, чем Китай, – восьмое место в мировом экономическом рейтинге, 3,9% от мирового ВВП. См.: Россию признали восьмой экономикой мира [Текст] // Коммерсантъ. – 18.12.2007. – №233 (3809).
23. Воскресенский А. Д. «Большая Восточная Азия»: энергетические аспекты международных отношений и безопасности [Текст] / А. Д. Воскресенский // Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии. — С. 34.
24. Кузык Б. Н. Китай-Россия-2050: стратегия соразвития [Текст] / Б. Н. Кузык, М. Л. Титаренко. — С. 571.
25. Воскресенский А. Д. «Стержень» азиатского азимута российской внешней политики [Текст] / А. Д. Воскресенский // Pro et Contra. - 2001. - №9. - С. 74-93.
26. Кузык Б. Н. Китай-Россия-2050: стратегия соразвития [Текст] / Б. Н. Кузык, М. Л. Титаренко. — С. 572-573.
27. Бордачев Т. В. Будущее Азии и политика России [Текст] / Т. В. Бордачев // Россия в глобальной политике. - 2006. - №2. — Март-апрель. - С. 34-48.
28. Бергер Я. М. Перспективы сотрудничества [Электронный ресурс] / Я. М. Бергер. - Режим доступа: www.fondedin.ru/sr/new/fullnews_arch_to.php?subaction=show_full&id=1130137476&archive=1130138106&startfrom=&ucat=14&
29. Bolyatko A.V. A View from Moscow: China's growing military power// China's growing military power: perspectives on Security, Bullistic Missiles and Conventional Capabilities. Carlisle: 2002. P. 99.
30. См.: Галенович Ю.М. О чем пишут авторы сборника «Китай недоволен». – М., 2009.

References (transliteration):

1. Solov'ev V. S. Sochinenija [Tekst] / V. S. Solov'ev. V 2 t. T. 1. – М., 1989. – S. 353.
2. Voskresenskij A. D. Vlijanie rossijsko-kitajskogo strategicheskogo vzaimodejstvija na mezhdunarodnye otnoshenija i bezopasnost' v ATR [Tekst] / A. D. Voskresenskij // Rossija i Kitaj: sotrudnichestvo v uslovijah globalizacii. – S. 78-79.
3. Kuzyk B. N. Kitaj-Rossija-2050: strategija sorazvitija [Tekst] / B. N. Kuzyk, M. L. Titarenko.– М., 2006.– S. 553-554.
4. Owepkov V.P. Rossija i Kitaj v zerkale regional'noj politiki, – М., 1998. – S.45.
5. Abramova N. A. «Kitajskij region» v politicheskom izmerenii [Tekst] / N. A. Abramova, T.N. Kuchinskaja. — Chita, 2008. — S. 115-116.
6. Finkelstain D.M. The View from Beijing: the US - China Security Relations from Kosovo to September 11, 2001// China's growing military power: perspectives on Security, Builistic Missiles and Conventional Capabilities. Carlisle: 2002. P. 45.
7. R.N, Montaperto.H. Binnendijk. PLA Views on Asia Pasific Security in the 21th Century// Strategic Forum. Institute for National Strategic Studies. N 114. June 1997.

8. Sm.: Goncharov S.N., Vinogradov L.O. K voprosu ob jevoljucii vneshnepoliticheskoj koncepcii KNR // Problemy Dal'nego Vostoka. 1998. №4.
9. Ostrouhov O.L Vneshnjaja politika Kitaja v gody reform i perspektivy ee razvitija // Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija. 1999.№3, – C.9.
10. Kitaj: ugrozy, riski, vyzovy razvitiju [Tekst] / Pod red. V. Miheeva.— M., 2005. — S. 358.
11. Feoktistov V. M. Kul'turno-civilizacionnye cennosti koncepcii nacional'noj bezopasnosti KNR v uslovijah globalizacii [Tekst]: dis. kand. filos. nauk / V. M. Feoktistov. — Chita, 2007. — S. 55.
12. Sm.: Vestnik DVO RAN №5, 2009..175-176.
13. Feoktistov V. M. Kul'turno-civilizacionnye cennosti koncepcii nacional'noj bezopasnosti KNR v uslovijah globalizacii [Tekst]: dis. kand. filos. nauk / V. M. Feoktistov. — S. 100-101.
14. Abramova N. A. «Kitajskij region» v politicheskom izmerenii [Tekst] / N. A. Abramova, T.N. Kuchinskaja. — S. 107-108.
15. Arsen'eva I.I. Rossija mezhdu Vostokom i Zapadom. Strategija nacional'noj bezopasnosti – M.: Vostok-Zapad, 2008 – S.110
16. Rumjancev E. N. Geopoliticheskie idei sovremennogo Kitaja [Tekst] / E. N. Rumjancev // Geografija nacional'noj bezopasnosti Kitaja: jekspres- informacija IDV RAN. – M., 2007. – №7 (140). – S. 9.
17. Gel'bras V. G. Rossija v uslovijah global'noj kitajskoj migracii [Tekst] / V. G. Gel'bras. – S. 22.
18. Gladkij Ju. N. Rossija v labirintah geograficheskoj sud'by [Tekst] / Ju. N Gladkij. — S. 731.
19. Naselenie KNR ezhegodno uvelichivaetsja na 15-16 mln. chelovek i uzhe prevysilo, soglasno oficial'noj statistike, 1 mlrd. 300 mln. chelovek. V severo-vostochnyh provincijah Kitaja prozhivaet svyshe 120 mln. chelovek.
20. Na ogromnoj territorii k vostoku ot Urala prozhivaet, soglasno perepisi 2002 g., okolo 30 mln. rossijan; mezhdu Bajkalom i poberezh'em Tihogo okeana – vsego 8 mln. Bolee podrobno sm: Bazhenova E. S. Regional'nye problemy narodonaselenija Rossii i Kitaja: sravnitel'nyj analiz [Tekst] / E. S. Bazhenova // Kitaj v dialoge civilizacij. – M., 2004. – S. 152-163.
21. Djatlov V. I. Vneshnie migracii na vostoce Rossii kak geopoliticheskoj faktor [Tekst] / V I. Djatlov // Bajkal'skij region i geopolitika Central'noj Azii: istorija, sovremennost', perspektivy: materialy mezhdunarodnogo nauchnogo seminarasovewanija. – Irkutsk, 2004. – S. 52.
22. Hotja i v znachitel'no men'shej stepeni, chem Kitaj, – vos'moe mesto v mirovom jekonomicheskom rejtinge, 3,9% ot mirovogo VVP. Sm.: Rossiju priznali vos'moj jekonomikoj mira [Tekst]// Kommersant#. – 18.12.2007. – №233 (3809).
23. Voskresenskij A. D. «Bol'shaja Vostochnaja Azija»: jenergeticheskie aspekty mezhdunarodnyh otnoshenij i bezopasnosti [Tekst] / A. D. Voskresenskij // Jenergeticheskie izmerenija mezhdunarodnyh otnoshenij i bezopasnosti v Vostochnoj Azii. — S. 34.
24. Kuzyk B. N. Kitaj-Rossija-2050: strategija sorazvitija [Tekst] / B. N. Kuzyk, M. JI. Titarenko. —S. 571.
25. Voskresenskij A. D. «Sterzhen'» aziatskogo azimuta rossijskoj vneshnej politiki [Tekst] / A. D. Voskresenskij // Pro et Contra. - 2001. - №9. - S. 74-93.
26. Kuzyk B. N. Kitaj-Rossija-2050: strategija sorazvitija [Tekst] / B. N. Kuzyk, M. L. Titarenko. — S. 572-573.
27. Bordachev T. V. Buduwee Azii i politika Rossii [Tekst] / T. V. Bordachev // Rossija v global'noj politike. - 2006. - №2. — Mart-aprel'. - S. 34-48.
28. Berger Ja. M. Perspektivy sotrudnichestva [Jelektronnyj resurs] / Ja. M. Berger. - Rezhim dostupa: www.fondedin.ru/sr/new/fullnews_arch_to.php?subaction= show- full&id = 1130137476&archive=1130138106&start from=&ucat=14&
29. Bolyatko A.V. A View from Moscow: China's growing military power// China's growing military power: perspectives on Security, Bullistic Missiles and Conventional Capabilities. Carlisle: 2002. P. 99.
30. Sm.: Galenovich Ju.M. O chem pishut avtory sbornika «Kitaj nedovolen». – M., 2009.